

Господин Гоу, от одного упоминания которого у него разболелась голова, не смог признаться, что его выставили за дверь, да и не решался отучить своего сына-должника от дурных привычек, поэтому начал нести чепуху:

— Этот Мо — паршивец! Оказывается, он давно сговорился с той самой... Они сейчас наслаждаются своей связью, так что категорически против замены... Что я, папа, могу сделать?

Молодой господин Гоу был настолько шокирован, что лицо у него буквально расколосось:

— Не может быть! Как мой кумир мог по-настоящему влюбиться в эту картошку?!

Господину Гоу едва не пришлось клясться всеми святыми, прежде чем сын, потерянный и подавленный, смирился с этой печальной реальностью.

Но он не только смирился, но и воспылал жаждой борьбы, решив, что с помощью фильма «Мы под звёздным небом» он обязательно разгромит «Полёт Маньмань»! Тогда кумир, наконец, бросит на него взгляд, а, может быть, увидев его, вернётся к общепринятым стандартам красоты и разлюбит эту картошку...

...

Мо Синчжи первым делом получил инсайдерскую информацию из Яочи.

Однако он совершенно не придавал этому значения.

В конце концов, все бизнесмены жаждут наживы. Не важно, как активно сейчас прыгает господин Гоу, если «Полёт Маньмань» будет качественным и сохранит высокий интерес, то крупные видеоплатформы, которые, конечно же, не считают деньги грязью, при релизе предложат лучшие условия.

В тот вечер Ван Цзысяо, к своей редкой радости, приготовил роскошный ужин.

Он сказал, что это празднование и одновременно материальная награда за то, что «сильный и храбрый брат сохранил добродетель и встал на защиту бедного беспомощного брата».

Мо Синчхи:

— ...

Обычно, заботясь о здоровье, Ван Цзысяо готовил лёгкие и питательные блюда. Хотя они были очень вкусными, со временем возникало ощущение, что «во рту покажется птица».

Но сегодня он наконец-то нарушил запрет.

Посреди стола стоял медный котёл в форме тайцзи: с одной стороны — ярко-красный острый бульон, с другой — молочно-белый питательный бульон на костях и грибах. На полке рядом стояли горки маленьких тарелочек с тонко нарезанной говядиной и бараниной, рубцом, грибами, нежной зеленью, белым тофу и тёмно-красной утиной кровью...

Когда вода закипела, по всей маленькой столовой разнёсся соблазнительный аромат, вызывающий обильное слюноотделение, — удержаться было невозможно.

Мясо, лишь чуть обжаренное в кипятке, меняло цвет с ярко-красного на светло-коричневый,

затем его макали в соус и, пока горячее, отправляли в рот. Мягкое, нежное, сочное, с идеально сбалансированным вкусом, оно таяло во рту и, проглатываемое, разливалось по желудку приятным, опьяняющим теплом.

Оба они были молоды и в самом расцвете сил, так что за полчаса смели все заготовленные продукты. Хотя желудки ещё могли принять добавку, они с болью остановились — это тоже своего рода рациональное ограничение желаний.

Самое мучительное для актера — это постоянно помнить о диете.

После вкусного хот-пота на одежде и волосах неизбежно оставался запах. Отправив грязную посуду умному кухонному помощнику, они пошли мыться.

В этот раз Ван Цзысяо не выкидывал никаких фокусов и спокойно помылся.

Однако, как говорится, дерево хочет покоя, но ветер не стихает. Он только успокоился, как Мо Синчжи сам постучал в дверь его спальни.

Не преувеличивая будет сказать, что в момент, когда раздался стук, первой реакцией Ван Цзысяо было: «Всё, к чёрту, мне показалось!»

Убедившись, что стук продолжается, он взглянул на время.

Девять пятьдесят.

Вечер!

Причём глубокий вечер, когда в квартире остались одни мужчины!

«Почему вдруг стало прохладно...»

В голове сами собой полезли разные мысли, и Ван Цзысяо, слегка утопая, поплыл к двери.

[Система любезно напоминает: через десять секунд начнётся ежедневный десятиминутный урок двойного совершенства. Просим пользователя отнестись к обучению серьёзно и конспектировать. Обратный отсчёт начат — десять, девять, восемь...]

Дверь открылась.

Снаружи стоял Мо Синчжи с ещё влажными волосами, от него веяло чистой свежестью. Странно, но хотя они использовали один и тот же гель для душа, запахи после мытья у них были совершенно разными. Например, когда Ван Цзысяо принюхивался к себе, он точно не испытывал такой реакции! Потеря! Сильная! Реакция!

— Я принёс тебе бутылку красного вина... — Мо Синчжи сначала поднял длинную матовую бутылку, а потом с сомнением спросил. — Что у тебя за выражение лица?

Ван Цзысяо поторопился вытянуть из себя улыбку и притвориться дурачком:

— Да нет же! Нет, я в порядке.

Мо Синчжи не стал копать, улыбнулся и спросил:

— Что, не пригласишь войти?

Ван Цзысяо только тут осознал, что всё это время стоял в дверях. Раз мечта сама спрашивает так тепло, то хотя в душе и тяжело, нужно было держать лицо и быстро освободить проход:

— Проходи, проходи, прошу, я просто не сразу сообразил...

— Возможно, ты не слышал, это вино Сумучжу сделано из винограда сорта «Красная кобыла» из региона Синьцзян на Земле. Тщательно сброженное, хотя и не такое знаменитое, но на входе мягкое, с долгим послевкусием. А самое главное — восполняет ци и кровь, улучшает сон. Если каждый вечер пить по бокалу, ты...

Мо Синчжи, продолжая говорить, шёл в комнату.

Не знаю, то ли обстановка действовала, но он, казалось, тоже немного нервничал, иначе почему вдруг стал таким болтливым?

Ван Цзысяо было не до анализа странностей мечты, он всей душой пытался успокоить брата, который рвался в бой — зачем я так много баранины съел! Чёртова система-обманка именно сейчас решила подложить свинью. Ещё более прекрасный и разнообразный обучающий фильм, после окончания обратного отсчёта автоматически начал «ии-аа-уу», а самое ужасное, что главные герои в нём были с лицами его и Мо Синчжи!

Раньше такого не было!

[Забота о каждом твоём сантиметре — неизменная идеология нашей системы.]

— Заткнись ты!

Идущий впереди Мо Синчжи внезапно обернулся.

Его рассказ о вине Сумучжу также резко оборвался.

Внимательно взглядевшись в лицо Ван Цзысяо, Мо Синчжи почувствовал подозрение.

Это подозрение и заставило его сердце внезапно забиться чаще.

Ведь именно прошлой ночью он... он увидел во сне Ван Цзысяо.

Какой именно был сон, он помнил смутно, единственное, что оставило глубокий отпечаток — это пара на его груди, выглядевшая особенно нежной, слегка выпуклой, невероятно мягкой и упругой.

Утром пришлось стирать бельё.

Если бы только этот случай, можно было бы списать на юношеские тревоги... Но этот кадр словно выжегся у него в мозгу, время от времени возникал перед глазами, заставляя разум на мгновение мутнеть.

Мо Синчжи прожил так много лет и ещё никогда не был таким... жалким и низким.

Тем более после пережитого за день, симптомы его кровного возбуждения не только не ослабли, но и добавили других страданий.

Мо Синчжи никогда не был тем, кто медлит с решениями. После сытного хот-пота и душа он нарыл в винном шкафу бутылку вина и решительно постучал в дверь.

Некоторые вещи, пока они в тумане, не отпускают. Когда всё выносишь на солнце, что вещь, что тень — сразу ясно.

— Тебе нездоровится?

Несмотря на подозрения, хитрый Мо Синчжи выбрал сохранить невозмутимость, подошёл ближе, тыльной стороной ладони коснулся его лба, словно проверяя температуру, и через несколько секунд с важным видом заключил:

— Кажется, немного горячо, ты сильно вспотел.

Ван Цзысяо сухо хихикнул. Как не вспотеть, брат, ты сам уже почти слился с твоим образом в фильме! Я сейчас нюхаю твой запах, перед глазами «весёлый дзен», в ушах развратные звуки, а ещё стою и держусь, не выдавая слишком много — это сила воли! В будущем обязательно станешь великим!

— Помню, ты как-то упоминал массаж... — Мо Синчжи поставил вино на тумбочку у кровати. — Это меня и вдохновило. Потом я нашёл кого-то и научился паре приёмов. Ты, наверное, сегодня устал, смотри, даже холодный пот выступил. Может, попробуешь мой мастерство?

<http://bllate.org/book/16623/1521809>